

и ему самому. Замысел столкнуть «в лоб» оба произведения, мысленно заставив автора одного из них читать другое, исключительно оригинален и едва ли повторим: он типично «романовский».

Далее в той же главе Б. А. показывает Заточника в поисках устойчивого жизненного положения и в воображении заставляет его еще раз пройти по всем тем кругам жизни, которые только что были раскрыты автором в предшествующих шести главах книги. Эта заключительная глава называется «На распутьи» — она и в самом деле показывает неустойчивость социальной жизни XII—XIII вв., становление нового общества, сложные явления, сопутствующие процессу классообразования. Она вводит нас в преддверие новой эпохи и как бы подсказывает будущие возможные выходы из этой неустойчивости.

На протяжении всей своей книги Б. А. стремится прочесть в памятниках XI—XIII вв. непосредственные, живые следы исторической действительности. Он стремится к конкретному до мелочей воспроизведению «жизни» XI—XIII вв. и, настойчиво пересматривая источники, продельывает работу, близкую литературоведам. Он искусно избегает постоянно подстерегающих его на этом пути опасностей: принять за достоверный факт традиционный литературный мотив (в анализе литературных произведений) или традиционное церковное установление (в анализе церковно-канонических памятников) или в специфических особенностях средневекового мышления увидеть отражение какой-либо определенной политической точки зрения.⁴

Книга «Люди и нравы древней Руси» трактует один из самых существенных вопросов изучения: изображение людей древней Руси, но трактует не с литературоведческой точки зрения, а с исторической. Б. А. Романова интересуется живая личность, стоящая за ее изображением; литературоведа же всегда будет интересовать само изображение, но это последнее не может быть до конца понято, если нет точного представления о первом.

На том же высоком уровне, что и комментарии к «Правде Русской», выдержаны и комментарии Б. А. к Судебнику 1550 г. («Судебники XV—XVII вв.», М.—Л., 1952), дающие важный конкретный материал не только для историков, но и для литературоведов и лингвистов.

Заслуживает внимания переводческая работа Б. А. Романова. В 1950 г. в серии «Литературные памятники» вышло издание «Повести временных лет», в котором вторая половина этого памятника (с 1016 г. и до конца) была переведена Б. А. Романовым. Принципы этого перевода далеко не

⁴ В целом Б. А. умело ведет свое изложение в безопасном расстоянии от этих подводных препятствий, однако кое-какие мелкие недочеты могут быть отмечены. Некоторые из правил Кирика обусловлены общехристианской практикой и вряд ли могут быть сопоставляемы со статьями Русской Правды (стр. 111 — погребение костей умерших), другие отражают типические для психологии всякого христианского писателя положения (стр. 220 — преступления, совершенные еще в язычестве, не в счет), третьи, может быть, в большей мере отражают интерес средневекового богослова к сложным казусам, чем непосредственную и «частную» действительность (стр. 109 — убийство в церкви). Вряд ли можно также считать компромиссом со стороны церкви разрешение монахам и иереям присутствовать на мирских пирах: духовник обязан был посещать своих духовных детей на дому в качестве гостя (С. Смирнов. Древнерусский духовник. М., 1913, стр. 69), знать все частности их семейной жизни, учить их за трапезой и на мирском пиру после четвертой чаши (И. Срезневский. Сведения и заметки, № 4, СПб., 1874, стр. LVIII, 321—322). Не всегда следует видеть в древнерусском термине «раб» (стр. 59 и 62) наше значение этого слова. Термин «раб» в церковной литературе имел церковно-условное значение («раб божий»). Наконец, вряд ли следует сейчас, после соображений В. Л. Комаровича (История русской литературы, т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 282 и сл.), без оговорок говорить о третьей редакции Повести временных лет как о печерской, а не выдубицкой.